

Последнее занятие семинара «Хайдеггер 1936–1944 г. («К философии. О событиях» и примыкающие работы)», проходившего в Центре методологии и этики науки ИФ РАН в октябре–ноябре 2004 г. Тексты семинара были опубликованы в мемориальном номере журнала «Точки» (№ 1–2, М.: ИФТИ св. Фомы, 2005).

5. Истина. Ницше (ИФ 2.11.2004)

У Платона истина — бездонное сияние высшей идеи годного, т.е. возвращающего всё своему существу; [на] непотаенное, которое остается всегда тайной, как на самое яркое, солнце, невозможно смотреть. И при этом исходно греческом понимании алетейи, т.е. тайны, которую и нужно, и невозможно понять, всё дело прикасания к этой тайне отдается пайдеей, образованию, верной (правильной) подготовке человека, формированию правильности его взгляда. В позднем, продуманном, пайдеветическом «Государстве» отпустить человеческое существо без подготовки в бездну, где идет война за бытие, Платон не может. Он улавливает другое человечество, устраивающееся в истине как правильности (Richtigkeit), в противоположность неправильности.

После Платона Хайдеггер не видит другого мыслителя, который с такой же страстью, Leidenschaft, отдал себя истине, как Фридрих Ницше. И признаком этой страсти, внешним, бросаются в глаза у Ницше кричаще, вызывающе противоположные определения истины. С одной стороны, истина это то, чего мы не имеем, чего у нас в принципе нет, вместо чего у нас есть в руках удобное заблуждение, нужное нам для того, чтобы мы могли продолжить своё существование как род живых существ. А с другой стороны, если истина такой практический подручный инструмент, если ее ценность определяется жизненным успехом рода человеческого, то, казалось бы, бери его и пользуйся спокойно, — откуда же споры об истине, искание ее, откуда вообще волнение вокруг нее? Ведь если она только инструмент обращения с действительностью, достаточно усовершенствовать его, как машину, или как математический формализм, и вся разница сведется к успеху, удаче или наоборот, — но спор вокруг истины ведь доходит до костров, до религиозных войн; решаются ли технические, инструментальные проблемы так, что прими наш взгляд, или костер? Там иначе: создай свою машину, создам и я, и посмотрим, какая будет работать. ПОЧЕМУ собственно я сам, Ницше, с такой захваченностью думаю и говорю об истине?

Потому что она задевает не отношение человека к действительности, а всего человека в целом как *еще не решенное существо*, как *еще неизвестно собственно кто он*.

Иногда Ницше звучит так, что легко вписывается в ницшеанство, в смысле нигилизма, откровенного и крайнего. Например, когда он спрашивает о *цене истины*, что она такое и чего стоит. По Хайдеггеру, речь в таком случае идет вообще не о *die Wahrheit*, а о *das Wahre*, т.е. истина тут оказывается вещью среди вещей, которая поступает на рынок и получает цену в зависимости от своей надобности для жизни.

Хайдеггер однако видит, что Ницше именно *звучит* так иногда, и конечно на это звучание получает сразу мировой отклик всех тех, миллионов публицистов, кто как Геббельс, Гитлер, Горький, Бухарин были философами жизни, в смысле разрешения развернуть свою мощь. Посмотрим и мы, в каком смысле Ницше ставит вопрос что такое истина и какая ее ценность.

В «К генеалогии морали», трактат III «Что значат аскетические идеалы?», § 24: наша вера, осталось ли в ней что кроме обмана и самообмана? Служит ли она опорой для истины? Взять самых чистых идеалистов, преданных науке, ответственности, морали: почему их круг такой удушающий? Потому что они далеко не свободные умы, *keine freien Geister*: именно потому что скованы, связаны верой в истину, и убеждением, что борцы за истину именно они. Несравненно честнее были крестоносцы, их ордена строжайшей дисциплины, потому что до низших кругов, которые подчинялись строжайшему послушанию, каким-то атмосферическим путем доходил секрет, которым жили высшие: «*Nichts ist wahr, alles ist erlaubt*». Вот *то* была свобода духа! Этим был *денонсирован* договор между верой и истиной. Карен Свасьян, который заранее слышит в Ницше ницшеанца и не имеет кроме того времени останавливаться на трудных местах, переводит: «*этим была отменена даже вера в истину*». Ницше на деле никогда в ницшеанство не впадает; он говорит о разлучении, разведении веры и истины; истина не была умалена в ту эпоху свободы духа, она только еще не сплавилась с верой в насильственный союз, который потом превратился в слащавую взаимную гармонизацию истины и веры. Когда вера и истина не пересекаются, это сложно, рискованно, страшно; из теперешних так называемых свободных умов кто решится на такой лабиринт; у кого есть опыт встречи с Минотавром этого лабиринта?

Теперешние свободные умы свободой *скованы*, — тем, что она *обязательно должна, после операций с собственным духом, дать на выходе идею, идеал, в которых конечно будет и добро, и истина, и вера — да еще и непременно улаженными с действительностью, с «принятием мира», с «реальностью», с «фактами»; что Ницше называет мелким фактализмом.* Лидирует идеал — метафизический и неприступный поэтому, конечно тождественный истине; он настолько бесспорен, что говорить о такой науке, которая начинала бы работу *без предпосылок*; сначала идеал, философский или религиозный, веры, иначе откуда наука получит смысл, рамки, метод, да самое *право* быть. Сначала правильность, говорит Ницше, потом, даже для самого свободного ума, истина. Иначе ужас: беспредпосылочная истина, голая правда, может завести, обязательно заведет куда-то не туда. Нет, так спокойно, так надежно верить, что истина есть, что она пусть не здесь, в этом мире, но важнее этого мира, что она божественная, так верило тысячелетнее христианство, так верил Платон, *dass Gott die Wahrheit ist, dass die Wahrheit göttlich ist.* — Всё было бы прекрасно, только почему всё это становится мало правдоподобно, почему божественного вокруг мы видим так мало; а что если во всём этом нашем гармоничном истинном Боге ошибка, слепота, ложь, что если Бог Сам это наша самая стародавняя ложь? — Тут поневоле споткнешься. Куда мы все, они все, старые и новые философы, с радостью неслись, устанавливая *истину*? Они не должны были спросить себя — они не спросили, — почему именно стремление к истине, откуда оно? Истина ли действительно была делом их страсти? А что если не она, а желание поставить печать на Боге, на философии, на вере? Истина как последняя оправдывающая инстанция? Обосновывающая? Как последнее бесспорное закрепление всей системы? А что если истина сама нуждается в обосновании? И хуже, что если истине не давали, не позволяли стать проблемой? — Теперь, как только подорвана вера в идеального всё устраивающего Бога, сразу появляется эта новая проблема: *das vom Werte der Wahrheit*, проблема цены истины.

Der Wille zur Wahrheit bedarf einer Kritik — bestimmen wir hiermit unsre eigene Aufgabe —, der Wert der Wahrheit ist versuchsweise einmal *in Frage zu stellen*¹.

При ницшеанском чтении Ницше, например у Свасьяна:

---

¹ К генеалогии морали. Что означают аскетические идеалы? § 24.

Ценность истины должна быть однажды экспериментально поставлена под вопрос

Ницше беззащитен действительно от понимания истины как вещи со своей ценностью, определяемой кроме того «экспериментально» — Свасьян забывает важное место Ницше, где тот зовет человечество, пусть с риском гибели, иметь мужество, *испытать* истину, *на опыте*, т.е. не со стороны и не наблюдательски, схватиться с ней, действительно как с Минотавром в лабиринте—

*Мы проводим эксперимент с истиной! Возможно, человечество на том погибнет! В добрый час!*²

Я специально не подчеркивал, насколько мысль Ницше и Хайдеггера об истине одно; это видно само собой, конечно, при чтении Ницше как Ницше. Видно и насколько у Хайдеггера эта мысль лучше проработана, очищена. Что Ницше говорит может быть сразу слишком много, и сбивчиво, сам Ницше понимает; в конце изложенного выше у нас параграфа из «К генеалогии морали» он советует прочесть для большей ясности из 5-й книги («Мы, бесстрашные») «Веселой науки» § 344: «Почему мы тоже пока еще благочестивые».

Беспредпосылочность настоящей науки развертывается там спокойно и издалека. Появляется естественный вопрос: а само это требование беспредпосылочности, не предпосылка ли оно? Не предвзятое ли убеждение? Идет прорыв к такой науке, такому исследованию (философия тут самая строгая, хотя и веселая наука), которому не предшествовал бы идеал, — и естественно тогда Ницше наталкивается на вопрос, а почему вообще стремление к истине? Не хочу обманывать, не хочу обманывать себя? А кто сказал, где в свойствах и законах человеческого бытия (*Charakter des Seins*) написано, предписано, что надо всё безусловно проверять, а не, наоборот, быть безусловно доверчивым?

И еще: а вдруг лучше и то и другое, и безусловное доверие, и много недоверия, проверки? С симпатичной человечностью это едва ли не больше вяжется. Тогда откуда у науки уверенность, что истина важнее всего? В самой настойчивости, с какой строгая наука это утверждает, нет ли уже выбора, *возражения*, заранее принятого решения против противоположного взгляда? Да настойчивое требование истины

---

² Цит. по *Martin Heidegger, Nietzsche. I. Band. Pfullingen: Neske 1961, S. 38.*

никак и не могло бы в принципе возникнуть, если бы не было интуиции, что доверие, принятие, *неистинна* часто нужна. — Получается, что воля к истине, к «истине любой ценой», топчет, подавляет что-то в человечестве. (Хайдеггер договорит за Ницше: подавлена *тайна*, принятие истины как *ускользания, сокрытия*.) — Ницше: мы *должны* быть в истине, только в ней, и вот мы не в ней, а на почве морали, долга, обязательства. Но жизнь идет иначе! В ней страшно много места для заблуждения, обмана, подмены, ослепления (снова Хайдеггер: истина *неистовая*, она прячет себя не меньше чем кажется). И пока воля строгой науки к истине этой стороны истины не видит, она идет против жизни, потому что против тайны (*solo el misterio nos hace vivir*, Лорка³). Поэтому нравственная воля к истине может быть одновременно спрятанной волей к смерти, *ein versteckter Wille zum Tode sein*. Мы с нашей верой в беспредпосылочную, безусловную, непредубежденную волю к истине остаемся поэтому теми же благочестивыми метафизическими верующими. Идея для нас выше мира.

Вы чувствуете, как для выкриков Ницше не хватает хайдеггеровского продуманного замечания, что в современном метафизическом понимании истины не хватает внимания к греческому слову *алетейя*, что истина это *прорыв к тайне*, чтобы ее, тайну, восстановить в ее правах.

Иначе, в самом деле, от Ницше остается только неуважительное нигилистическое отношение к истине, как если бы он свалил ее в кучу вещей, ожидающих переоценки.

Повторяю, это лихое прочтение и перевод Ницше не хотят уходить, как бы даже они не упрочивались. Хайдеггер буквально плачет об этом. Только не с ницшеанцами, говорит он в одном месте. С ними надеяться на какую-то пусть самую примитивную глубину не приходится. Истина скатится до *das Wahre*, которое строгой беспредпосылочной науке, настроенной только на истину, останется теперь отыскать и объявить.

И Ницше сам подставился, позволил своей сестре, ее мужу националисту и антисемиту Bernhard Förster, диктовать ей, и после своего самоубийства в 1889 году, как надо понимать брата.

Und dennoch, Nietzsche fragt nicht ursprünglich nach der Wahrheit. Denn meist meint er mit diesem Wort immer “*fas Wahre*”, und wo er nach dem Wesen des Wahren fragt, da geschieht dies in Verstrickung in die

---

³ Только тайна дает нам жить.

Überlieferung und nicht aus einer ursprünglichen Besinnung derart, dass diese zugleich begriffen wird als wesentliche Entscheidung auch über “das Wahre”.

Allerdings, wenn ursprünglicher gefragt wird, dann verbürgt dies niemals eine gewissere Antwort, im Gegenteil, nur eine höhere Fragwürdigkeit des Wesens der Wahrheit; und diese Fragwürdigkeit brauchen wir; denn ohne sie bleibt das Wahre gleichgültig. (Beiträge 362)⁴

Читая в контексте истины как истинного, допускающего вопрос, что оно такое, у Хайдеггера в этом месте о том, что от вопроса об истине самое большее, что можно ожидать, и самое лучшее, и самое нужное, это увидеть проблему *глубже*, еще глубже, — сама собой не приходит тема из истории мысли?

Мне — да; стоическая поправка, что истина не *что*, а *кто*. *Кто* уводит в «узнай себя»; эта задача, говорил Платон, только для Бога, не для человека; на вопрос, кто ты, единственно возможный ответ это только его углубление, буквально без конца. Уйти в «кто ты» значит уйти в своё, в свободу — и в неизвестность, в тайну.

Но ведь и у Ницше истина уходит, мы читали, в жизнь. Жизнь у него опять же не обязательно понимать биологически-идеалистически, ведь высшая жизнь для Ницше, например, та дисциплина орденов крестоносцев тоже, с рискованным взятием на себя решения об истине. И что мы получаем от Ницше, если не сбиваемся на ницшеанскую трактовку? Он заглядывает в правду (истину) человеческой жизни, и у него кружится голова от бездны открывающейся: неприступной безусловно, совершенно непроглядной, страшной, пугающей; куда, как в пещеру Минотавра, никто собственно пока еще и не заглядывал.

В своем стиле филолога и историка, по образованию Ницше широко — и, надо признать, часто рискованно, но не всегда уместность иллюстраций не мешает иллюстрируемой мысли, — пользуется биографическими примерами (черта, общая у него с Дильтеем; оба одинаково называют себя психологами). Современный «хороший человек», т.е. человек идеала истины, не может быть другим кроме как бездонно-изолгавшимся,

---

⁴ [«И тем не менее Ницше спрашивает об истине не первоначально. Ведь под этим словом он чаще всего имеет в виду просто “правдивое”, а где он спрашивает о сущности истины, там это происходит в противоборстве с традицией, а не из первоначального осмысления такого рода, что оно понимается одновременно и как сущностное решение о “правдивом”.

Впрочем, если спрашивают более изначально, это никогда не обеспечивает более достоверный ответ, напротив, сущность истины вызывает лишь больше вопросов; ибо без него истинное остается безразличным». — Пер. А.В. Ахутина].

abgründlich-verlogен, потому что всю свою честность, объективность, позитивную научность он добыл путем замыкания от бездны в самом себе [не хотел заглядывать, от своей бездонности отвернулся]; вместо почвы и опоры в них одна мораль, они насквозь обморалились от страха провалиться в самих себя — разумеется обморалились самым честным, добродетельным, *должным* образом: ведь, в самом деле, моральные ценности, вера в Бога, потом в добро, потом в идеал научной истины, разве не высшая ценность, не добродетель? — Ну хорошо, заглянуть в себя им уже никогда не дано, быть честными перед собой никогда, но вот другому они могут позволить быть человеком во весь рост?

Не позволят.

Oder, greiflicher gefragt: wer von ihnen ertrüge eine *wahre* Biographie!⁵

Лорд Байрон записал о себе что-то личное, но Томас Мур, знаменитый автор «Ирландских мелодий», чтобы оставить образ Байрона высоким, сжег эти воспоминания, которые были ему оставлены, посоветовавшись с издателем. Таким же образом защитили от снижения облика Шопенгауэра держатели его архива по завещанию — на том основании, что Шопенгауэр написал что-то «против себя». Американский биограф Бетховена, дойдя до какого-то эпизода этой почтенной и наивной жизни, больше не выдержал и прервал работу. Нам обещают автобиографию Рихарда Вагнера — кто сомневается в том, что это будет *разумная* автобиография? (Действительно, Козима Вагнер вступилась за гения, и непредвзятые биографии его появились только через сто лет; «Дневник» Вагнера впервые издан в 1980 году; но подобное произошло и с самим Ницше. Мой пример: когда по настоятельной просьбе издательства, крайне заинтересованного в этом тексте, я дал мои буквальные записки разговоров А.Ф. Лосева, они посмотрели и грустно решили: нет, «без сопровождения» комментариев его вдовы, и хранительницы архива, издавать эти записки нельзя.) А что было бы, продолжает Ницше, если бы настоящий психолог показал нам настоящего Лютера, не плоского сельского моралиста, *без стыда?*

Эта бездна, в которую никто не заглядывал, и может ли кто заглянуть до дна, где она разворачивается? В том, что Ницше

---

⁵ К генеалогии морали. Что означают... [Рассмотрение третья] § 19. [«Или, ставя более хваткий вопрос: кто бы из них вынес *правдивую* биографию?...» Пер. К.А. Свасьяна в кн.: *Ф. Ницше*. Соч. в двух томах, т. 2. М., 1996, с. 506].

называет жизнью и свободой. Словом «жизнь» сам ранний Хайдеггер называл то, что потом стало Dasein; одно из возможных переводов Ereignis — свобода; о *бездне* говорят в одинаковом смысле оба. *Истиной* этот пейзаж называют оба; что он закрыт со времен Платона, говорят оба; того, кто способен на эту истину, одинаково называют оба: это человек, которого хватило на искренность, на Innestehen в безопорности. — О разности между двумя уже говорилось.

В этом свете всё у Ницше получает eine neue Lebendigkeit (363), жалеть приходится только о том, что Ницше восстает против метафизики *идеала*, преодолевает платонизм всё на тех же изветшалых ее основаниях, в конечном счете от Платона отталкивается. Может быть, мы слишком еще близко к Ницше и поэтому не можем его увидеть? Не заслоняет ли его «жизнь»? Может быть, на место платонической высшей идеи блага, теперь безнадежно обмораленной, он ставит, жестко, реалистично, сырую жизнь, почти вещь, под руками и в руках, которой отданы все возможности и даны все права ими распорядиться? Силовой центр, который хочет только своего восхождения и превосхождения? — Но с другой стороны это ведь жизнь протоплазмы, которой ничего не надо, только выпустить в сторону возможностей свои ложноножки; жизнь с ее волей к власти, которую Ницше относит к старому, болезненному нигилизму. — Но тогда настоящее дело Ницше это поставить опыт с истиной, попытаться взглянуть в ее бездну, не боясь встретить в истине снова и снова что-то нечеловеческое, с лицом обмана, и пусть хоть человечество на том погибнет, лишь бы опыт поставить?

Что из двух? И опять: главное, не поспешить с ответом, не решить, что мы с Ницше «справились». Не перестать видеть в вопросе вопрос. И в конце концов единственное, в чем находит возможным Хайдеггер упрекнуть Ницше, это в нерешимости взять вопрос об истине раз и навсегда в середину своего спрашивания.

Jenes entrückte (сдвинутое, отодвинутое, отрешенное, с тем же корнем, с каким говорится о необходимости *сойти с ума*) Hinausstehen (выступление вовне, выдвигание, как уход в выполнение миссии) in das Unbekannte, das für Nietzsche gewiß (несомненно! Поверить, что Ницше не видел того, не *имел в виду* того, что уже совсем на виду, Хайдеггер не мог) Grunderfahrung war, konnte ihm nicht, wenn ich recht sehe, zur gegründeten Mitte seines Fragens werden; und dieses darum

nicht, weil er in der oben (S. 362) genannten dreifachen Verstrickung durch das Überkommene festlag (скован, как обещанием). (363–364).⁶

Т.е. 1) жизнь всё же идеал, 2) бытие (жизнь) всё же скорее *что*, а не *кто* (да, вечное возвращение того же одновременно и *что*, а не только *кто* — как на весах, перевешивает ли моё настроение или данность; «величайшая тяжесть» этого рока, тожества, действительно в середину спрашивания не поставлена), 3) я то же самое, что эта величайшая тяжесть? Или другое, смотрю и сужу как субъект? Весь ли отдан этой тяжести? Не решено, опять, у самого Ницше.

Поэтому в самой скрытой, затаенной своей воле этот мыслитель еще не понят. Его пока еще стараются втиснуть как-нибудь в систему мировоззрений XIX века; допустим, выделяя из них, но все равно их беря за систему координат — а тут нужна другая, или никакая не годится. И совсем дурно то, что уже говорилось, что Ницше сам подставился, дал себя использовать.

Наше дело теперь помочь его настоящей мысли войти в ее будущее.

---

⁶ [«То *сдвинутое выступание вовне*, в неизвестное, что для Ницше несомненно было основным опытом, не могло стать для него, если я правильно вижу, обоснованной серединой его спрашивания; а это не могло произойти потому, что он был *скован (как обещанием)* унаследованным, вовлекавшим его в три вышеназванных (с. 362) противоборства». — Пер. А.В. Ахутина, курсивом набраны слова, переведенные В.Б.].